

ДИСКУССИЯ

УДК 159.9

СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ПУТЬ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

© 2018 г. Т. В. Корнилова

*МГУ имени М.В. Ломоносова; 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.
Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии.
E-mail: tvkornilova@mail.ru*

Поступила 26.03.2018

Аннотация. Обсуждается статья А.Л. Журавлева, И.А. Мироненко, А.В. Юревича “Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы” [3]. Выражается согласие с основными тезисами авторов о необходимости интеграции психологии в мировую науку и вместе с тем о многополюсности ее сетевой организации, что полностью соответствует представлению о полипарадигмальности психологической науки и необходимости преодоления изоляционистских тенденций “национальных” психологий. Обосновывается, что занявшие положение мейнстримов европейская и североамериканская психологии могут рассматриваться не только как движение к глобализации или ведущие полюса научной психологии, но и в качестве примера того, как усиление научных критериев достижения достоверного знания позволяет преодолевать кросскультурные различия в “национальных” психологиях. Проблема культуры психологических исследований рассматривается в аспекте критериев научности, отражающих надындивидуальные системы знаний, — культурогенности науки — и, тем самым, ее универсализации, но не стремления к единой теории. С точки зрения гипотетико-дедуктивных реконструкций психологической реальности и вырабатываемых в мировой науке критериев, сеть психологической науки предполагает ее интегративность. Полипарадигмальность характеризует мир психологических теорий и методологию организации исследований, но не может сводиться к оценкам в аспекте их большей или меньшей научности.

Развитие российской науки в направлении сети глобальной психологии не следует представлять только как решение проблем перевода работ на другой язык. Более важными являются проблемы категориального взаимодействия, за которыми стоит различие в образе мира психологов. “Вращивание” необходимых ориентиров для понятийного взаимодействия в психологии может осуществляться только при проведении исследований, результаты которых будут демонстрировать освоение надындивидуального опыта. И тогда “национальные” завоевания смогут входить в мировую психологию, вызывая необходимую встречную активность западной науки.

Ключевые слова: психологические исследования в глобальном мире, культура, “национальные” психологии, научная коммуникация, российская психология в глобальной науке.

DOI: 10.31857/S020595920000839-8

Участие в дискуссии в данном случае не является выражением несогласия с авторами дискутируемой статьи; оно скорее стало поводом для *подчеркивания* некоторых позиций, по отношению к которым возможны разные оценочные суждения. Понятно, что для меня как и для любого автора, выступающего в роли “играющего тренера”, т.е. ведущего (наряду с размышлениями о методологии психологии) исследовательскую работу, невозможна “объективная” точка зрения. Как когда-то написал А. Бергсон, наши выборы во многом предопределяются всем предшествующим путем личностного развития [2]. И я вполне допус-

каю иные прочтения обсуждаемой статьи другими исследователями. Ее особая ценность — в способствовании самоопределению психолога.

В статье [3] детально обосновано развитие мировой науки по путям *интеграции*, глобализации, с одной стороны, и *дифференциации*, с другой. Согласие с первой позицией я выражаю в своей статье, где обсуждается проблема интернационального и национального в науке, которая в XXI веке уже не может рассматриваться вне опыта глобализации [5]. Разделяю и высказанный авторами тезис о необходимости рассмотрения развития науки “как многополюсного сетевого

образования”. Он полностью соответствует представлению о *полипарадигмальности* психологической науки и необходимости преодоления изоляционистских тенденций. Труднее согласиться с мнением авторов о том, что методологические споры о принципах психологии или возможности ее единственного предмета ушли в прошлое. Они затихли (если ориентироваться на явные публикации), но скорее не потому, что проблемы разрешены, а потому, что придерживающиеся различных позиций авторы видят бесперспективность убеждения своих оппонентов. Здесь, видимо, спор будет решаться “поколенчески” – в зависимости от того, какие позиции станут занимать психологи последующих поколений.

Не могу также поддержать проникновение термина “туземные психологии” в отечественные работы, поскольку он – на русском языке – имеет смысл не “культуральной” специфики психологических теорий, а заведомо включает оценочный компонент инакости подходов как их “недоразвитости”. Не говорю о “культурной”, поскольку далее разьясню один из аспектов изменения в понимании этого термина применительно к развитию науки. Очень привлекательной выглядит в статье смещение акцента с разнообразия мира психологических теорий на многообразие *научных сообществ* (см. также: [11; 12]), чему практически не уделялось внимания в отечественной историко-психологической мысли, более сосредоточившейся на психологических школах и их программах (при недостаточном внимании к тому, каково их место в реализации последовавших исследований и их вклада в срезе современной психологии). Т. Кун, говоря о том, что он добавил бы в свою книгу [9], если бы писал ее заново, назвал главу о научном сообществе как совокупном субъекте исследовательской деятельности, реальном носителе парадигм и источнике их смены. Интеграция национальных наук в мировую невозможна, как справедливо указывают А.Л. Журавлев с соавторами, вне активного самоопределения национальных наук по отношению к стандартам, заданным сегодня “западной” наукой. “Туземными” психологии в разных странах могут называться именно по отношению к этим стандартам, включающим определения объекта, предмета, методологии (я добавила бы – инструментария и логики выводов). Неслучайно много внимания посвящено авторами соотношению кросскультурных исследований с возможностью обсуждения “универсального” пути развития психологии.

ЕВРОПЕЙСКИЙ И СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ УКЛОН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Тот факт, что основой глобализации науки стали западноевропейские мейнстримы, не означает, что дальнейшее развитие должно идти по

пути создания “туземных психологий”. Нужно различать направленность кросскультурных исследований, соотносящих “универсальное” и “уникальное” в психологии представителей разных стран и народов, а также поиск путей интеграции национальной психологии в мировую науку. В кросскультурных исследованиях современного уровня обсуждение различий уже преодолело их объяснение за счет национальных или этнических факторов и выдвинуло на первый план поиск тех *контекстных переменных*, которые эти различия определяют. Современные кросскультурные исследования – это принципиально новый уровень научных исследований по сравнению с тем, что складывался ранее в этнопсихологии. И если какие-то авторы претендуют на специфику “психологии народов” в рамках старой этнопсихологии, то это лишь “болезнь роста”. Национальные психологии не смогут войти в мировую науку, не достигнув уровня ведущих исследований в этой мировой науке (иначе они останутся “туземными” психологиями).

При этом – кроме кросскультурного – необходимо различать *два других аспекта*. Первый из них заключается в том, что “Европа” в современном мире уже не означает географического места. К общеевропейским ценностям – как нормативам научного познания – могут стремиться люди разных стран и континентов (не буду углубляться в различия между Европой и Северной Америкой в этом аспекте, а также разделять географически приверженность общеевропейским ценностям). И общеевропейская, и североамериканская науки раньше других в психологии сформулировали те приоритеты и стандарты, которые отразили ведущие тенденции развития психологии. И западноевропейские мейнстримы выступают сегодня *общенаучными* тенденциями – с точки зрения выраженности новообразований, становящихся ведущими в мировой психологии, и их не следует рассматривать в географической привязке. География как раз “страдает”. Например, начатые в США исследования *эмоционального интеллекта* в последующем переместились в южно-европейские страны (Испанию, Грецию и т.д.), а также Россию (и их тематика не связана со спецификой национальных психологий) [8]. Другой пример: исследования *интуиции*, базировавшиеся первоначально на работах немецких, французских и российских психологов, получили новый импульс в США при подъеме исследовательской активности в конце 90-х гг. XX века [14]. При этом были переоткрыты (и названы новыми именами – в известной этноцентрической традиции) многочисленные закономерности, но это не сделало североамериканскую психологию интуиции принципиально отличной от европейской. Однако при этом интерпретативные схемы в результате оказались связанными с

разными методологическими позициями, чего нельзя сказать об организации исследований или статусе эмпирически устанавливаемых закономерностей.

Создание новых гаджетов или новых технологий в азиатских странах не приводит к противопоставлению естественнонаучных или технических разработок по географическому принципу (не путать с выдвижением в определенной временной перспективе на первые места на мировом рынке тех или иных национальных компаний, связанным с улучшением качества их продукции). Аналогично, и победа на Олимпийских играх по фигурному катанию японского фигуриста не станет рассматриваться как необходимость создания нового (японского) фигурного катания. Хотя стиль нового чемпиона вносит новый аспект в развитие мирового уровня этого вида спорта. При этом театр кабуки останется вкладом Японии в мировую культуру (и не станет “европейским”). Другое дело, что в науке нет чемпионатов, и “географические претензии” на первенство в той или иной области вполне могут выглядеть как “национальные пути” развития науки.

Итак, пора назвать *второй* аспект: *уровень культуры, или общенаучный уровень, проводимых исследований*, а не особенности национальной культуры определяют то, что становится центрами мировой психологии. И вот здесь важно и понятие парадигмы, и специфика понимания “научности”.

М. Мамардашвили в давней работе [10] писал об общей “культурогенности” науки и искусства в том смысле, что самостоятельное творчество опирается на *надындивидуальные* системы знаний. Разделение им “творчества” дилетанта и творчества ученого включало этот основной аспект — идти дальше того, что уже достигнуто человечеством, или заново “изобретать велосипед”. Это не только старая проблема разделения креативности по продукту и процессу (с чем хорошо знакомы психологи). Это иная проблема — частного и общего: если откристаллизовывается знание, переходящее на уровень общенаучного, надындивидуального, то оно перестает быть “национальным”.

КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В дискутируемой статье справедливо отмечено, что критика *IPs* теорий базируется, в частности, на том, что в азиатских и африканских исследованиях используется методический аппарат и инструментарий, разработанный в западной психологии, который применим в контексте любой культуры [3]. Это соответствует представлению о *глобальной* психологии как *универсальной* и

общечеловеческой, но также и не отменяет специфику *культурно-исторической* психологии и *культурологии*.

В этом разрезе мне представляется недостаточно убедительной апелляция к решению социобиологической или биосоциальной проблемы как завоеванию отечественной психологии. Здесь слишком явно превалирование кажущегося решения с позиций теорий двух факторов. Представляется, что не следует обсуждать этот вопрос вне рассмотрения теорий деятельности в отечественной и мировой психологии (последнее должно было бы стать предметом отдельной статьи).

Подчеркну также еще один аспект — тот, который М.Г. Ярошевский связывал с *категориальными регулятивами* научного познания. Складывающаяся в науке система проблем и подходов — как надындивидуальных образований — направляет пути профессионализации любого ученого, с какими бы личными целями и мотивами (познавательными или иными интересами) он ни пришел в науку. Знание о подходах и методах исследования в зарубежной психологии — существенный аспект профессионализации психолога в любой стране. Это также путь глобализации психологической науки. А тот факт, что выделение *предмета* изучения и *методических подходов* взаимосвязаны, во многом объясняет, почему не все завоевания национальных психологий входят (сейчас или потом) в мировую науку. Владение *современными средствами* исследований — существенный современный критерий научности и условие обоснования *конкурирующих теорий*.

После дискуссии в “Вопросах философии” в 1993 г. в России не было специальных форумов на тему критериев научности в психологии. Но на самом деле возможные позиции определяются в ходе обсуждения тех или иных парадигм в психологии [6]. Меньше обсуждается, как критерии научности связаны с достижением мирового уровня исследований, и в чем эти “стандарты” научности заключаются. Косвенно они отражаются в возможностях публикаций статей авторов в ведущих международных журналах. Содержательно — в достигаемом уровне *реконструкций не наблюдаемых психологических процессов*, изучаемых при проведении исследования в рамках той или иной парадигмы.

Путь выдвижения и проверки гипотез стал основным в организации *гипотетико-дедуктивного рассуждения* в научном исследовании, в том числе и в психологии. Вспомним, что В. Дильтей, напротив, считал невозможным включать в организацию исследования звено *гипотез*. Мировая наука пошла по иному пути, а призыв “назад к Дильтею” несомненно является отказом от включенности в мировую науку. И это может выглядеть для кого-то очень привлекательным: чем

овладевать современными нормативами исследований, можно настаивать на “специфике” своего пути, причем обычно эта специфика заключается именно в “недоотягивании” до критериев валидного исследования.

ТРУДНОСТИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сложность перевода — одна из трудностей вхождения российской психологии в мировую науку, на которые указали авторы дискутируемой статьи. Необходимо пояснить, что дело не в незнании другого языка, а отсутствии зачастую в зарубежной психологии (в рамках какой-либо конкретной страны) той *парадигмальной* составляющей, которая делает специфичным применение термина на другом языке. Еще одна трудность — это *уровень* общенаучной методологии, на которой происходят как междисциплинарные переходы между системами знаний конкретных наук, так и в некоторых случаях их необоснованность. Поясню на примере, который отражает трудности включения взглядов Л.С. Выготского в мировую психологию — при том, что в данном случае работа по переводам была проделана огромная.

Статья американских авторов, отметивших возрастание роли конструкторов метакогниций и саморегуляции в психологии [15], была направлена на то, чтобы сделать соответствующие конструкторы более четкими. Предложенный ими путь — обращение к более ранним концепциям, в рамках которых соответствующие представления созревали, а именно к сравнению теорий В. Джеймса, Ж. Пиаже и Л.С. Выготского, в которых *метакогниция* и *саморегуляция* взаимосвязаны как в плане развития, так и функций. Обобщение сознательного опыта познающего и действующего субъекта представлено, по мнению американских психологов, как связующее звено этих понятий. Не раскрывая их отображения в работах Джеймса и Пиаже, отметим выделенную специфику подхода Выготского. Учтем при этом различие терминов, поскольку с метакогницией связывается *опосредование* (Medium), а с саморегуляцией — *опосредствование* (Agency). По мнению Фокса и Риконстенте [15], для Выготского метакогниция и саморегуляция полностью взаимосвязаны: интенциональность саморегуляции предполагает осознанность, а контроль (необходимый для осознания) предполагает саморегуляцию. Метакогниция означает при этом осведомленность о структурах мыслительных процессов и о том, как направлять и контролировать мышление с помощью знаков.

Можно сказать, что *вне культурно-исторической* традиции понятие метакогниции используется в определенной степени в качестве замены

заданных в ней представлений об опосредствовании, а связка понятий саморегуляции и метакогниции оказывается необходимой для фиксации возможностей активного изменения самоконтроля на основе обращаемой на себя (т.е. на свои когнитивные структуры) мысли. Выделение активности Я как самостоятельного (неизменного) модуса самосознания приводит у Джеймса — автора первой концепции сознания, выделившего Я знающее и Я знаемое, к парадоксу, фиксированному в выражении “мыслит мышление”. Личное Я (*Self*) при этом неразрывно связано с когницией: ощущение связанности мысли и дает это чувство Я.

Но именно *знаковое опосредствование*, как изменяющее другое важное звено — регуляцию процесса на основе использования знака как психологического орудия, направленного на себя, ускользает в обсуждении этой концепции американскими авторами. Поэтому заключение об отличиях ориентации трех концепций звучит так: у Джеймса метакогниция и саморегуляция включают ориентацию на Я (*Self*), у Пиаже — на другой объект или других, а у Выготского — на язык.

В отличие от этого, субъект мышления, по Выготскому, характеризуется следующим. Истоки мышления располагаются в иных сферах, чем имманентная активность Я. Это, с одной стороны, сфера *мотивации* и соответствующее движение по уровням от внешнего к внутреннему плану его свершения, завершаемому планом свернутых *смысловых полей*. С другой стороны, генетически связанным с ними выступает *знаковое опосредствование*, где ролью слова оказывается не *выражение*, а *совершение* мысли. Важно, что здесь уже невозможно обсуждение мышления вне ситуации “коллективного субъекта” и социальной ситуации, задающей возможности использования знака. Метакогнитивное при этом совершается (в своем функциональном становлении) в той степени, в какой сознательно и произвольно используемое средство оказывается переведенным внутрь (интериоризованным или свернутым в динамике смысловых полей). И это понимание существенно отличается от того понимания метакогниции, которое закрепилось в современной западной психологии.

Этот пример показывает, что понимание развития нашей науки в направлении *сети глобальной психологии* не следует представлять только как решение коммуникативных проблем между российскими и зарубежными учеными. Здесь я вижу существенные проблемы содержательного взаимопонимания, в котором “востребованность” на теоретическом уровне невозможна, если уровень эмпирических исследований недоотягивает до общепринятых нормативов (получения и обсуждения достоверных данных). *Образ мира* (в понимании А.Н. Леонтьева и его учеников) как амодальное

глубинное образование, задаваемое системой значений, в функциональном плане реализует свою направляющую функцию в познании [13], в том числе и научном. И он отличается у психологов с изначально различными базовыми знаниями, соответственно, движение идей в *глобальной сети* может стать взаимно проникающим только в случае встречной активности потоков научных исследований.

Но чтобы ожидать встречной активности зарубежных психологов, недостаточно только заметить проблемы разного понимания психологических конструктов, что, например, демонстрирует дискуссия, открытая в 2000 г. в “Психологическом журнале” после выхода на русском языке книги М. Коула [7] и показавшая различие подходов (в понимании опосредствования, деятельности и других терминов). Необходимо, чтобы *уровень научной культуры* отечественных исследований поднимался хотя бы до уровня включаемых в современные *метаанализы*, без прочтения которых сегодня ни в одной области нельзя обосновать выделение конкретной научной проблемы.

Позиция “мы такие специфичные, что у нас свой исключительный путь” очень напоминает одну из сторон в старой дискуссии “славянофилов” и “западников”. Бесперспективность изоляционизма или навязывания кому-то “своего” пути в науке очевидна в силу того, что она реализуется *единым* научным сообществом. Наука *диалогична* по своей природе; и не может быть “национальной” психологии, как существующей в рамках отдельного государства (при “естественной” гетерохронии возникновения и развития научных направлений, поддерживаемых в странах в разные исторические периоды). С этим могут не согласиться, сказав, что сегодня на дворе разгул “национальных историй”. Однако здесь явные ценностно-политические составляющие тех или иных подходов, стоящие за различием взглядов на определенные исторические события, в любом случае входящие в мировую историю. И спорят между собой интерпретативные схемы, а не “идея истории” [4].

Содержательно разбираться в специфических конструктах, взращиваемых в рамках теоретического мира “национальной” психологии, исследователи с других полюсов (многополюсной мировой психологии) станут лишь тогда, когда увидят *эвристичность* исследований, для понимания которых станет необходимым строить новые “теоретические опоры”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание глобальной психологии как *многополюсного сетевого* образования включает разные составляющие. С одной стороны, речь идет о

географических и языковых “привязках” тех или иных направлений психологии. Например, естественно-исторически сложилось пристрастие к теории Ж. Пиаже во франкоязычном мире; к теории деятельности – в Германии и России, где она рассматривалась как путь развития *идеи активности* в немецкой философии в учении Маркса (здесь очень показателен пример тренда взглядов С.Л. Рубинштейна от его марбургской диссертации к термину самодеятельности в 20-е гг. прошлого века в СССР) [1]. Примеры могут быть продолжены. С другой стороны, понимание сетевой организации касается теоретико-эмпирического базиса мировой психологии. И с этой точки зрения меня не столько волнует осознание психологами других стран своего пути как “туземных” психологий, сколько – направления развития российской психологии.

Авторы обсуждаемой статьи справедливо пишут о том, что российская психология должна стать востребованной и занять свое достойное место в рамках единой *мировой психологической науки*. То, что эта наука будет многополюсной, соответствует пониманию методологии психологии как плюралистической. И как бы ни боролись историки психологии за «монотеизм» отечественной методологии (что само по себе противоречит идее диалектического мышления), реальное развитие науки не повернуть вспять; и любой работающий в психологии исследователь прекрасно осведомлен о множественности путей в психологии (парадигмальных, теоретико-эмпирических, методологических).

Другой вопрос – в чем может заключаться уникальность составляющих “полюсов” многополюсной психологии. Я привела только один пример – специфики теории *опосредствования* Л.С. Выготского, которая, несмотря на множество переводов его книг, не вписывается в систему западной психологии, поскольку в ней специфичны как психологические конструкты, так и методологические основания (понимания активности человека в его культурно-историческом развитии).

Путь вхождения отечественной психологии в мировую – как движения в сторону тех или иных “полюсов” – видится только при условии поднятия культурного уровня научных исследований до мировых образцов реализации критериев научности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А., Славская А.Н. Сергей Леонидович Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. М.: Изд-во Московского Психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО “МОДЭК”, 2010.
2. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собрание сочинений. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1.

3. Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юревич А.В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
4. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
5. Корнилова Т.В. Интернациональность психологии versus “национальные психологии” // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 91–99.
6. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017.
7. Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-Центр, 1997.
8. Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Эмоциональный и академический интеллект как предикторы стратегий в игровой задаче Айова (IGT) // Психологический журнал, 2018. Т. 39. № 3. С. 50–64.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1969.
10. Мамардашвили М.К. Наука и культура // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 291–310.
11. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т.Фролова / Отв. ред. Г.Л.Белкина; ред.-сост. М.И.Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
12. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В.И. Аршинов, В.Е. Лепский. М.: Когито-центр, 2007.
13. Смирнов С.Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 5–13.
14. Степаносова О.В. Современные представления об интуиции // Вопросы психологии. 2003. №4. С. 133–143.
15. Fox E., Riconscent M. Metacognition and Self-Regulation in James, Piaget, and Vygotsky // Educational Psychology Review. 2008. V. 20. P. 373–389.

NETWORK ORGANIZATION OF PSYCHOLOGY AS A WAY OF ITS INTEGRATION

T. V. Kornilova

*Lomonosov Moscow State University; 125009, Moscow, Mokhovaya st., 11, 9 bld., Russia.
Sc.D (Psychology), Professor of the Department of General Psychology of the Faculty of Psychology.
E-mail: tvkornilova@mail.ru*

Received 26.03.2018

Abstract. The article by A.L. Zhuravlev, I.A. Mironenko, A.V. Yurevich “Psychological Science in the Global World: Challenges and Perspectives” [3] is discussed. The author agrees with the main theses of the authors about the need to integrate psychology into the world science and at the same time about the multipolarity of its network organization, which fully corresponds to the idea of polyparadigmality of psychological science and the necessity to overcome the isolationist tendencies of “national” psychologies. It is substantiated that European and North American psychology that have taken the mainstream position can be seen not only as a movement towards globalization or leading poles of scientific psychology, but also as an example of strengthening of scientific criteria for achieving reliable knowledge, that allows us to overcome cross-cultural differences in “national” psychologies. The problem of psychological research is examined in terms of criteria for scientific character, that reflects supra-individual systems of knowledge – the cultural origin of science – and thereby its universalization, but not the desire for a unified theory. From the point of view of hypothetico-deductive reconstructions of psychological reality and criteria developed in world science, the network of psychological science presupposes its integrativity. Polyparadigmality characterizes the world of psychological theories and methodology for organizing research, but can not be reduced to assessments in terms of their greater or lesser scientific character. The movement of Russian science towards global psychology should not be presented only as a paper translating problem. The problems of categorical interaction are more important. “Cultivation” of necessary guidelines for conceptual interaction in psychology can be carried out only by conducting of researches with the results, that will demonstrate the development of supra-individual experience. This way “national” conquests will be able to enter the world psychology, causing necessary counter activity of Western science.

Keywords: psychological research in global world, culture, “national” psychology, scientific communication, Russian psychology in global science.

REFERENCES

1. *Abul'hanova K.A., Slavskaja A.N.* Sergej Leonidovich Rubinshtejn. Detstvo. Junost'. Molodost'. Moscow: Izd-vo Moskovskogo Psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izd-vo NPO "MODJeK", 2010. (in Russian)
2. *Bergson A.* Opyt o neposredstvennyh dannyh soznaniya // So-branie sochinenij. Moscow: Moskovskij klub, 1992. V. 1. (in Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Mironenko I.A., Jurevich A.V.* Psihologicheskaja nauka v global'nom mire: vyzovy i perspektivy // Psihologicheskij zhurnal. 2018. V. 39. № 2. P. 58–71. (in Russian)
4. *Kollingvud R.* Ideja istorii. Avtobiografija. Moscow: Nauka, 1980. (in Russian)
5. *Kornilova T.V.* Internacional'nost' psihologii versus "nacional'nye psihologii" // Psihologicheskij zhurnal. 2015. V. 36. № 3. P. 91–99. (in Russian)
6. *Kornilova T.V., Smirnov S.D.* Metodologicheskie osnovy psihologii: Uchebnyk. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2017. (in Russian)
7. *Koul M.* Kul'turno-istoricheskaja psihologija. Moscow: Kogito-Centr, 1997. (in Russian)
8. *Krasavceva Ju.V., Kornilova T.V.* Jemocional'nyj i akademicheskij intellekt kak prediktory strategij v igrovoj zadache Ajova (IGT) // Psihologicheskij zhurnal, 2018. V. 39. № 3. P. 50–64. (in Russian)
9. *Kun T.* Struktura nauchnyh revoljucij. Moscow: Progress, 1969. (in Russian)
10. *Mamardashvili M.K.* Nauka i kul'tura // Mamardashvili M.K. Kak ja ponimaju filosofiju. Moscow, 1992. P. 291–310. (in Russian)
11. Novoe v naukah o cheloveke: K 85-letiju so dnja rozhdenija akademika I.T. Frolova / Eds. G.L. Belkina, M.I. Frolova. Moscow: LENAND, 2015. (in Russian)
12. Problemy sub#ektov v postneklassicheskoj nauke / Eds. V.I. Arshinov, V.E. Lepskij. Moscow: Kogito-centr, 2007. (in Russian)
13. *Smirnov S.D.* Prognosticheskaja napravlenost' obraza mira kak osnova dinamicheskogo kontrolja neopredelennosti // Psihologicheskij zhurnal. 2016. V. 37. № 5. P. 5–13. (in Russian)
14. *Stepanosova O.V.* Sovremennye predstavlenija ob intuicii // Vo-prosy psihologii. 2003. № 4. P. 133–143. (in Russian)
15. *Fox E., Riconscent M.* Metacognition and Self-Regulation in James, Piaget, and Vygotsky // Educational Psychology Review. 2008. V. 20. P. 373–389.